

*В память о Ширли Джексон, которой никогда
не приходилось повышать голос*

«Призрак дома на холме»

«Лотерея»

«Мы живем в замке»

«Солнечные часы»

Жечь было удовольствием.

Рэй Брэдбери. 451° по Фаренгейту

НЬЮ-ЙОРК/ОЛБАНИ

1

— Папуля, я устала. — В голосе девочки в красных брючках и зеленой блузке слышалось недовольство. — Давай остановимся.

— Чуть позже, лапочка.

Высокий, широкоплечий мужчина в старом, потертом вельветовом пиджаке и коричневых брюках из твила держал девочку за руку. Они шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, шли торопливо, почти бежали. Он оглянулся: зеленый автомобиль никуда не делся, медленно катил следом по крайней правой полосе.

— Пожалуйста, папуля, *пожалуйста*.

Он посмотрел на дочь, увидел, какое бледное у нее личико. И под глазами мешки. Поднял ее, посадил на руку, но не знал, как долго сможет так ее нести. Он тоже устал, а Чарли уже не пушинка.

Часы показывали половину шестого вечера, и на Третьей было полно людей. Номера пересекающих авеню улиц приближались к седьмому десятку, сами улицы становились все темнее и пустынее... Чего он и опасался.

Они наткнулись на женщину, которая толкала ходунки с корзинкой, полной продуктов.

— Смотри, куда прешь, — фыркнула женщина и растворилась в спешащей толпе.

Его рука начала неметь, он пересадил Чарли на другую, вновь обернулся. Зеленый автомобиль следовал за ними, отставая примерно на полквартила. Двое мужчин на переднем сиденье и, кажется, на заднем — еще один.

Что мне теперь делать?

Он не знал ответа на этот вопрос. Он устал и был напуган, и почти не мог думать. Они поймали его в крайне неудачный момент, и, похоже, ублюдки это понимали. Ему хотелось опуститься на грязный бордюрный камень и завывать, выплескивая растерянность и страх. Но это не ответ. Он взрослый, и ему придется думать за двоих.

Что нам теперь делать?

Отсутствие денег. Самая главная проблема, если забыть про мужчин в зеленом автомобиле. Без денег в Нью-Йорке никак нельзя. Без денег люди в Нью-Йорке исчезали. Словно проваливались сквозь землю, и больше их никто никогда не видел.

Он опять оглянулся, увидел, что зеленый автомобиль приблизился, и струйки пота чуть быстрее побежали по его спине и рукам. Если они знали — а он подозревал, что так и есть, — насколько ослаб его импульс, то могли попытаться взять его здесь и сейчас. Не обращая внимания на людей. В Нью-Йорке, когда что-то происходит не с тобой, у тебя развивается загадочная слепота. *Они следили за мной?* — в отчаянии гадал Энди. Если следили, то знали, что игра окончена. Если следили, то знали расклад. Как только у Энди появлялись какие-то деньги, на время странности прекращались. Те странности, которые их интересовали.

Не останавливайся.

Само собой, босс. Понятное дело, босс. Куда идем?

В полдень он зашел в банк, потому что ожил внутренний радар: интуитивное чувство, что *они* вновь на хвосте. В банке у него лежали деньги, и их хватило бы, чтобы они с Чарли смогли при необходимости перебраться в другое место. И что обнаружилось? У Эндрю Макги больше не

было счета в «Объединенном банке химической промышленности», ни личного, ни корпоративного, ни сберегательного. Все они растворились, как дым, и тут он понял, что на этот раз его действительно хотят прижать к стене. Неужели это произошло лишь пять с половиной часов тому назад?

Но, может, что-то все-таки оставалось? Жалкие крохи. С последнего случая прошла почти неделя: тот мужчина с суицидальными наклонностями, который пришел в «Союзники уверенности» на обычную встречу в четверг вечером и с удивительным спокойствием заговорил о самоубийстве Хемингуэя. Провожая этого человека, приобняв его за плечи, Энди послал ему импульс. Теперь он с горечью думал, а стоило ли оно того? Потому что все складывалось так, что расплачиваться предстояло ему и Чарли. Оставалось надеяться на эхо...

Но нет. Энди в ужасе и отвращении оттолкнул эту мысль. Такого никому не пожелаешь.

Совсем чуть-чуть, молил он. Совсем немного, Господи, только чтобы мы с Чарли выбрались из этой передраги.

Но Боже, как ты расплатишься... И на месяц вырубись-ся, превратишься в радиоприемник с разбитыми лампами. Может, на шесть недель. А может, умрешь в прямом смысле этого слова, и твои никчемные мозги вытекут через уши. И что тогда будет с Чарли?

Они подходили к Семидесятой улице, когда зажегся красный свет. Автомобили пересекали Третью авеню. Пешеходы скапливались на углу. И тут Энди понял, что именно здесь мужчины из зеленого автомобиля возьмут их. Живыми, если получится, но если возникнут проблемы... Они могли получить четкие указания и насчет Чарли.

Может, живыми мы им больше и не нужны. Может, они решили сохранить статус-кво? Что делают с неверно решенным уравнением? Стирают с доски.

Удар ножом в спину, выстрел из пистолета с глушителем, вполне возможно, что-то более изощренное: капель-

ка экзотического яда на конце иглы. Патрульный, на углу Третьей авеню и Семидесятой улицы человек бьется в конвульсиях. Возможно, у него сердечный приступ.

Он должен попытаться использовать эти крохи. Ничего другого не оставалось.

Они добрались до толпы на углу. По-прежнему горел красный свет. Энди оглянулся. Зеленый автомобиль остановился. Дверцы со стороны тротуара открылись, из автомобиля вышли двое мужчин в деловых костюмах. Молодые, чисто выбритые — и в отличие от Энди Макги в прекрасной форме.

Он начал проталкиваться сквозь толпу, лихорадочно выискивая взглядом свободное такси.

— Эй, мужик...

— Ради Бога, парень!

— Мистер, вы чуть не наступили на мою *собаку*...

— Извините... извините... извините, — как заведенный повторял Энди. Искал взглядом такси. Не находил. В любое другое время их было бы полно. Мужчины из зеленого автомобиля приближались с твердым намерением схватить его и Чарли, увезти одному только Богу известно куда, в Контору, к черту на рога, а может, сделать кое-что похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

— Такси! Такси! — закричал он, размахивая свободной рукой.

За его спиной мужчины бросили притворяться и побежали.

Такси свернуло к тротуару.

— Стойте! — крикнул один из мужчин. — Полиция! Полиция!

В толпе закричала какая-то женщина, люди кинулись врассыпную.

Энди открыл заднюю дверцу, посадил Чарли на сиденье, сам нырнул следом.

— В Ла-Гуардию, быстро, — сказал он.

— *Не двигаться, полиция!*

Таксист повернул голову на голос, и Энди послал импульс — совсем крошечный. Кинжал боли вонзился ему в лоб, но тут же исчез, оставив только легкую тень, как бывает по утрам, если ночью спишь, неловко вывернув шею.

— Думаю, они хотят задержать того негра в клетчатой кепке, — поделился он своими наблюдениями с таксистом.

— Точно, — согласился тот, и автомобиль плавно отъехал от тротуара. Они покатали по Восточной Семидесятой улице.

Энди оглянулся. Двое мужчин стояли на бордюре. Остальные пешеходы не хотели иметь с ними ничего общего. Один из преследователей снял с ремня рацию и начал что-то говорить. Потом они исчезли из виду.

— Что сделал этот черный? — спросил таксист. — Ограбил винный магазин или еще что натворил?

— Не знаю, — ответил Энди, думая о том, как продолжить, как выжать из таксиста максимум за минимальный импульс. Они записали номерные знаки? Он полагал, что да. Но они не станут обращаться в полицию города или штата, и он застал их врасплох, ушел из-под наблюдения хотя бы на какое-то время.

— Черные в этом городе — банда наркоманов, — добавил таксист. — Можете мне не говорить — это я говорю вам.

Чарли клонило в сон. Энди снял вельветовый пиджак, сложил и подsunул ей под голову. Затеplилась искорка надежды. Все еще могло получиться, если он правильно использует сложившуюся ситуацию. Госпожа Удача послала ему — и он думал об этом без всякой предубежденности — человека, легко поддающегося воздействию. Таксист относился именно к этой группе: белый (азиаты по какой-то причине сопротивлялись лучше всех), достаточно молодой (воздействовать на стариков практически не представлялось возможным) и со средним интеллектом

(умные поддавались легче всего; с глупыми приходилось напрягаться; с умственно отсталыми все усилия шли прахом).

— Я передумал, — обратился Энди к таксисту. — Отвезите нас в Олбани.

— Куда? — Таксист уставился на его отражение в зеркале заднего вида. — Приятель, я не езжу в Олбани. Ты рехнулся?

Энди достал бумажник, в котором лежала одна долларовая купюра. Возблагодарил Бога, что это такси без пуленепробиваемой перегородки, исключавшей любой контакт с водителем, если не считать щели для передачи денег. Непосредственное общение облегчало работу. Он так и не уяснил для себя, психологическое это воздействие или какое-то другое, но сейчас это значения не имело.

— Я дам вам пятьсот долларов, если вы отвезете меня с дочерью в Олбани. По рукам?

— Го-о-осподи, мистер...

Энди сунул долларовую купюру в руку таксиста, и когда тот бросил на нее взгляд, послал импульс... сильный. На мгновение испугался, что не сработает, что ничего не осталось, он выскреб последние крохи со дна бочки, когда заставил таксиста увидеть несуществующего черного в клетчатой кепке.

Потом пришло ощущение — как и всегда, сопровождаемое кинжальным ударом боли. Желудок наполнился свинцом, а кишки свело и скрутило. Он поднес трясущуюся руку к лицу, гадая, вырвет ли его сейчас... или он умрет. На одно мгновение ему захотелось умереть, как случалось всегда, если он прилагал чрезмерное усилие («Потребляй, но не злоупотребляй», — всплыл из подсознания лозунг канувшего в Лету диск-жокея, хотя он понятия не имел, о чем шла речь). Если бы в этот момент кто-нибудь сунул пистолет ему в руку...

Потом он глянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, верящую, что он вытащит их из этой передряги, как вы-

таскивал из других, Чарли, убежденную, что он будет рядом, когда она проснется. Да, из всех передрыг, только на самом деле это была одна передрыга, одна гребаная передрыга, и всегда они делали одно и то же: убегали. Черное отчаяние давило изнутри на глаза.

Ощущение ушло... но не головная боль. Ей предстояло становиться все сильнее и сильнее, пока она не превратится в кувалду, забивающую раскаленные гвозди в голову и шею при каждом ударе сердца. От яркого света глаза начинали слезиться, а плоть за ними пронзали стрелы агонии. Перекрывались носовые ходы, дышать он мог только ртом. Кровь пульсировала в висках. Легкие шумы усиливались, обычные гремели, как отбойный молоток, громкие становились невыносимыми. Боль все росла, и наконец создавалось впечатление, что голову сжимают в инквизиторском черепном прессе, «шапке любви». На таком уровне она держалась порядка шести часов, или восьми, или десяти. Что будет с ним на этот раз, Энди не знал. Ему еще не приходилось посылать столь сильный импульс в таком истощенном состоянии. Но пока в голове властвовала боль, он становился совершенно беспомощным. Так что Чарли предстояло заботиться о нем. Бог свидетель, ей уже доводилось это делать... и тогда им везло. Однако сколько раз человеку может везти?

— Послушайте, мистер, я не знаю...

Это означало, что таксист подумал о проблемах с законом.

— Наша договоренность сохраняется, если вы ничего не говорите моей девочке, — прервал его Энди. — Последнее две недели она провела со мной. Должна вернуться к матери завтра утром.

— Права на посещение ребенка, — кивнул таксист. — Я в курсе.

— Видите ли, мне следовало доставить ее туда самолетом.

— В Олбани? Рейсом «Озарк», правильно я понимаю?

— Правильно. Но дело в том, что я до смерти боюсь летать. Знаю, звучит глупо, но это правда. Обычно я отвожу ее сам, однако на этот раз моя бывшая взъелась на меня и... я не знаю. — И Энди действительно не знал, как продолжить. Байку он выдумал на ходу и чувствовал, что зашел в тупик. Возможно, сказывалась крайняя усталость.

— И я высажу вас у старого аэропорта Олбани, чтобы мамуля думала, что вы прилетели, так?

— Именно. — Его голова раскалывалась.

— А мамуля будет думать, что вы не квох-квох-квох, верно?

— Верно. — Квох-квох-квох? И что это могло означать? Боль нарастала.

— Пять сотен долларов, чтобы не лететь на самолете. — Таксист покачал головой.

— Для меня оно того стоит, — ответил Энди и направил последний крошечный импульс. А потом добавил, очень тихо и спокойно, почти в ухо таксисту: — И должно стоять для тебя.

— Послушайте, — в голосе таксиста послышались мечтательные нотки, — я никогда не откажусь от пятисот долларов. Можете мне не говорить — это я говорю вам.

— Хорошо. — Энди откинулся на спинку заднего сиденья. Таксиста все устроило. Шитая белыми нитками история вопросов не вызвала. Он не стал удивляться, что семилетняя девочка проводит две недели у отца в октябре, когда занятия в школе давно начались. Не удивился и тому, что у них не было даже маленькой дорожной сумки. Его ничего не смущало. Он получил импульс.

И теперь Энди предстояло за это заплатить.

Он положил руку на ногу Чарли. Дочь крепко спала. Всю вторую половину дня они провели в пути, с того самого момента, как Энди зашел за девочкой в школу, где она училась во втором классе, и забрал с урока под уже наполовину забывшимся предложением... бабушка тяжело заболела... позвонила домой... извините, что приходится

забирать ее посреди учебного дня. При этом он испытывал огромное, нарастающее облегчение: как он боялся, что, заглянув в класс миссис Мишкин, увидит пустой стул Чарли и стол, в который аккуратно убраны книги. *Нет, мистер Макги... она ушла с вашими друзьями примерно два часа тому назад... они принесли от вас записку... что, не следовало ее отпустить?* Воспоминания о Вики вернулись, внезапный ужас пустого дома, испытанный в тот день. Безумная гонка за Чарли. Потому что однажды они уже забирали ее, да, забирали.

Но Чарли была в классе. На сколько он их опередил? На полчаса? Пятнадцать минут? Меньше? Ему не хотелось об этом думать. Они поели в «Натанс» — и после этого не останавливались (Энди признавал, что его охватила паника: они ехали на подземке и автобусах, но по большей части шли пешком). А теперь Чарли совершенно вымоталась.

Он долго, с любовью смотрел на нее. Со светлыми волосами до плеч, спокойно спящая, она светилась красотой. Настолько напоминала Вики, что щемило сердце. Он закрыл глаза.

На переднем сиденье таксист с восхищением разглядывал пятисотдолларовую банкноту, которую дал ему этот парень. Потом засунул ее в поясной кошелек, предназначавшийся для чаевых. Ему не казалось странным, что этот мужчина с заднего сиденья разгуливал по Нью-Йорку с маленькой девочкой и пятисотдолларовой купюрой в кармане. Он не думал о том, как будет улаживать все это с диспетчером. В голове крутились совсем другие мысли. К примеру, как обрадуется его подружка Глин. Глинис постоянно твердила, что работать таксистом уныло и скучно. Что ж, осталось только дожидаться, пока она увидит эту унылую и скучную пятисотдолларовую банкноту.

Энди сидел, откинув голову и закрыв глаза. Головная боль росла и росла, неизбежная, как вороной конь без

седока в похоронном кортеже. Удары копыт этого коня отдавались в висках: бух... бух... бух.

В бегах. Он и Чарли. Сейчас ему тридцать четыре, и годом раньше он работал преподавателем английского языка и литературы в колледже, расположенном в Гаррисоне, штат Огайо, сонном университетском городке. Старый, добрый Гаррисон, в самом сердце Соединенных Штатов. Старый, добрый Эндрю Макги, славный, крепко стоящий на ногах молодой человек. Помните загадку? Почему фермер — столп местного общества? Потому что он всегда возвышается над своим полем.

Бух, бух, бух. Красноглазый вороной конь без седока вышагивал по коридорам разума, подкованные железом копыта впивались в серое вещество, выдавливая мистические полумесяцы, которые тут же заполнялись кровью.

Таксист легко поддавался воздействию. Само собой. Столп местного общества.

Он задремал и увидел лицо Чарли. А лицо Чарли превратилось в лицо Вики.

Энди Макги и его жена, красавица Вики. Они вырывали ей ногти, один за другим. Вырывали четыре, а потом она заговорила. Во всяком случае, он так думал. Большой, указательный, средний, безымянный. И: «Хватит, я буду говорить. Скажу вам все, что вы хотите узнать. Только не делайте мне больно. Пожалуйста». Так она сказала. А потом... возможно, это был несчастный случай... потом его жена умерла. Что ж, с чем-то нам двоим не совладать, с чем-то не совладать нам всем.

Например, с Конторой.

Бух, бух, бух. Вороной конь без седока вышагивал, вышагивал и вышагивал: и вот, конь вороной*.

Энди спал.

И вспоминал.

* Откровение Иоанна Богослова, 6:5. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Руководил экспериментом доктор Уэнлесс, толстый, лысеющий и как минимум с одной странной привычкой.

— Юные дамы и господа, мы намерены сделать вам по одной инъекции, — говорил он, потроша сигарету над стоявшей перед ним пепельницей. Его маленькие розовые пальцы рвали тонкую папиросную бумагу, выдергивали щепотки золотисто-коричневого табака. — Шестерым впрыснут чистую воду. Шестерым — воду с незначительным количеством химического вещества, которое мы называем «Лот шесть». Его точный состав засекречен, но вещество это обладает гипнотическим и слабым галлюциногенным эффектом. Таким образом, будет использован двойной слепой метод... то есть ни вы, ни мы не будем заранее знать, кому введут чистую воду, а кому — нет. Все двенадцать участников эксперимента будут находиться под постоянным наблюдением сорок восемь часов после инъекции. Вопросы?

Несколько вопросов нашлось, по большей части о точном составе химического вещества «Лот шесть»: слово «секретно» подействовало на участников, как красная тряпка на быка. Уэнлесс с завидной легкостью ушел от прямых ответов. Никто не задал вопроса, больше всего интересовавшего двадцатидвухлетнего Энди Макги. Он даже подумывал над тем, чтобы поднять руку во время паузы, накрывшей практически пустой лекционный зал в корпусе, который делили факультеты социологии и психологии Колледжа Гаррисона, и спросить: «Послушайте, а почему вы так раздраете хорошие сигареты?» Но не спросил. Предпочел дать волю воображению, пока продолжалось это занудство. Уэнлесс пытался бросить курить. Люди с оральной фиксацией курят сигареты; люди с анальной — рвут их. (Это глубокая мысль изогнула губы Энди в легкой улыбке, и он прикрыл их рукой.) Брат Уэнлесса умер от рака легких, и доктор таким способом стравливал